

Между ЯЛОНИЪ

Дарина Стрельченко

16+

Дарина Стрельченко

Между яблонь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Стрельченко Д. А.

Между яблонь / Д. А. Стрельченко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Девятнадцатилетняя Аня работает в сельской школе и квартирует у... ведьмы. А как иначе назвать старушку, у которой два варианта прошлого, причудливое серебро в серванте, старые рецепты и молодые помощницы? Город, реальный и настоящий, совсем рядом. Но в крохотной деревне, прилепившейся у окраин Крапивинска, шумит лес, идёт туман, и уже совсем немного песка осталось в клепсидре...Шорт-лист конкурса "Новая книга"-2020 издательства Росмэн.

© Стрельченко Д. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Дарина Стрельченко Между яблонь

*Бойся слепых – они заберут глаза.
Бойся чужих – они заберут тепло.
Старости бойся; бойся оставить за
Хрупким живым плечом золотое зло.*

*Старость уснёт негромко с твоей душой;
Сердце твоё в наследство возьмёт, как в дар.*

В окна стучит слепой, молодой, чужой;

В сумерках стукнет ставень: пришла беда.

Глава 1. Дом в Яблонево

Яблони склонились над крыльцом густыми колючими ветвями; старые и шершавые, они царапали стёкла и цеплялись за пиджак. Учительница провела ладонью по холодному стволу – на ладони остались труха, шелуха побелки и крупинки мха. Выступила круглая, тёмно-красная капля. Из рта вырвалось облачко пара – сентябрь выдался холодным.

Она поставила ногу на ступень, ухватилась за балясину перил и занесла вторую ногу в замызганном замшевом ботинке. Поставить не успела: прогнившие доски треснули, каблук провалился. Анна Алексеевна съехала, сама не поняв, как, и в мгновение ока оказалась сидящей на сломанных ступенях. Над головой качались скрюченные, как ведьмины пальцы, ветви яблонь.

Анна Алексеевна закрыла глаза, слизнула скатившуюся слезинку. Сверху кричали птицы, а по треснувшей под её весом балясине, шевеля усами, полз крупный, с чёрной матовой спинкой таракан.

Она поднялась, отёрла слёзы, высвободила из деревянной дыры ногу и, прихрамывая, кое-как взобралась на крыльцо. Открыла дверь. Изнутри пахло сыростью, которую не перебивали ни освежители, ни ароматические свечи. Зажав нос, Аня прошагала к столу, расстегнула баульчик с вещами и нащупала телефон. Встала на табуретку в углу – там ловило лучше всего. Наизусть набрала номер.

– Здравствуйте, Эдуард Витальевич. Это Анна Голубева. По распределению, село Яблонево... Я вам посылала запрос на вызов мастера. В доме, который мне выделили, жить невозможно... – Голос надломился; Анна Алексеевна прерывисто вздохнула, сглотнула, зажала нос, чтобы не разреветься, выправилась: – Невозможно. Тут нужно делать ремонт. Или мне нужно другое помещение.

– Анна Алексеевна, – сквозь помехи ответил замначальника краевого минобра. – Вы не нервничайте только. Запрос ваш получили. Вопрос решаем.

– А когда ждать новостей? Учебный год идёт, я в школе ночую...

– Тепло там?

– Что?..

– Дали, спрашиваю, отопление уже?

– Дали. Тепло. Но не могу же я жить в шко...

– Не будете вы жить в школе. – Слышно было, как на том конце гремит посуда, и кто-то весело кричит «Эдя! Готово!». Эдуард Витальевич зажал динамик ладонью, крикнул в ответ: «Иду!», а потом сухо ответил Ане: – Мы решаем вопрос. Вам позвонят. До свидания.

– Эдуард Витальевич! В школе ни душа, ни нормальной кровати... Сколько мне ещё так жить?

– До свидания!

– Эдуард Вита...

Замначальника положил трубку, и в ушах у Анны Алексеевны побежали быстрые, равнодушные гудки. Она осторожно слезла с табуретки, сунула телефон в карман юбки, подхватила баульчик и вышла на улицу. В ступенях зияла дыра; оттуда несло сквозняком и гнилыми, забродившими яблоками.

Анна Алексеевна обогнула дыру, пробежала по скользкой, раскисшей от дождей тропинке, устланной листвой, отперла калитку и вышла на улицу. Ранним вечером в посёлке было пустынно: дети из школы уже вернулись, взрослые с комбикормового завода приедут ещё не скоро, старики по домам: в такую погоду кости ломит – это Аня хорошо знала по бабушке.

Над головой неслись дождевые, подсвеченные заходящим солнцем тучи: чернильные тяжёлые спины, розовые животы. Аня закрыла глаза, постояла, вдыхая землистый травяной запах. Перевесила баул на другую руку и пошла вперёд.

Школа темнела в самом конце улицы; дальше дыбились пугалами огороды и хирел пустырь. Недавно перекрытая крыша сияла, глянцевая от дождей. Анна Алексеевна, глядя то под ноги, то по сторонам, пошла к школе, держась за заборы и чувствуя, как жёлтые листики берёз влажными пальцами трогают её за плечи.

– Анна Алексеевна, – окликнула, махая шваброй, уборщица. – Добрый вечер! Снова в школе спите?

– Да, Клавдия Антоновна, – вздохнула Аня, разматывая шарф. – Снова...

– Ну, заходите тогда чаёчку выпить, – пригласила техничка, с грохотом и брызгами опуская швабру в ведро. – Я вот закончу через полчаса, и заходите.

– Спасибо, – кивнула Аня и на цыпочках, чтоб не разводить большой грязи по свежewe-мытому полу, прошла к лестнице. Кабинет, в котором она преподавала математику, а у малышей изредка заменяла рисование, приткнулся в тупике коридора. «Как школа в конце улицы, так кабинет в конце коридора», – в который раз подумала Аня, зажигая свет. В школе было электричество, горячая вода, вайфай – роскошь для Яблоневого.

Аня подключилась к сети, чтобы проверить почту. Ждала, конечно, весточки от Эдуарда Витальевича, но что могло произойти за пятнадцать минут, прошедшие с его звонка? От Андрея тоже не было ни строчки, ни стикера. Аня убрала телефон и принялась за привычный ритуал: вытащила из-под задней хромой парты раскладушку, разложила в проходе. Из шкафа вынула скатанный в рулет матрас, из которого торчали простыня и подушка. Перетасила с учительского стола жёлтую лампу, поставила на подоконник в изголовье раскладушки, потушила верхний свет. Класс погрузился в уютный осенний сумрак, и только золотистый круг, подрагивая, лежал на подушке. Уличный воздух, липший к окнам, из-за лампы казался черней и холоднее.

Густели сумерки. Вот-вот – и можно будет резать их, как венгерское черносмородиновое желе, как мама готовит.

Аня вспомнила квартиру в Крапивинске, старый хрусталь, постельное бельё из перкаля – без прорех, без неумелых штопок, переложённое лавандой; вспомнила высокие старые люстры, круглый стол, белое пианино, в темноте казавшееся лиловым. Даже сумерки в Крапивинске были не такие, как в Яблоневом; тоску разгоняли книги в застеклённом шкафчике, фонари на улицах, тряские автобусы, мчавшие сквозь ночь к весёлому Андрею. Здесь, в деревне, тоску не разгоняло ничего.

– Анна Алексевна? – просунулась в двери Клавдия Антоновна. Фартук она сняла, а синий уборщицкий халат сменила на фланелевый, розово-зелёный. – Чайник вскипел. Айдайте посидим?

– Айдайте, Клавдия Антоновна, – с усилием улыбнулась Аня, вытащила из баула припасённое печенье и следом за техничкой пошла в её каморку. Кабинеты в школе давно не запирали – что было воровать? Вайфай не своруешь, а глобусы и плакаты кому нужны.

Уселись за столом с красной клеёнкой.

– Ну что, милая, не дают? – сочувственно вздохнула Клавдия, пододвигая Ане пиалу с дешёвым каркаде.

– Нет пока, – ответила Аня, вытряхивая на блюде печенье. – Угощайтесь, Клавдия Антоновна.

Шумел ветер; где-то громко мяукали коты – тоже, видать, несладко без дома в такую осень.

– Не волнуйтесь, деточка. Дадут. Или мастера дадут, или жильё другое.

– Да что-то сомневаюсь. Не знаю, что делать...

При учениках давить жалость к себе было легко; при начальстве – тоже. А когда глядят вот так сочувственно, когда тоже тебя жалеют – сложно не расплакаться. Аня поставила локти на стол, упёрлась лбом в кулаки, чтоб спрятать покрасневшие глаза. В нос выговорила: – Уехать не могу – подъёмные почти потрачены. А остаться – ну как мне тут жить, Клавдия Антоновна? Я хочу дом, нормальный, тёплый... Угол свой хочу. Я из Крапивинска-то уезжала, чтобы всё наладить по-своему...

– Ох, деточка-деточка, – не в первый раз вздыхала уборщица. Гладила Аню по спине шершавой рукой. – Образумится как-нибудь, милая моя. Вы так не убивайтесь. Все живы, все здоровы. Всё образумится...

– Как же там гнилью воняет, – прошептала Аня, делая большой глоток из пиалы. – Я там коробку оставляла с книгами – наверно, все пропахли. Как принесла в школу, даже не открывала ещё.

– В углу-то коробочка которая, да? А я думаю – что такое, вдруг бомба... Анночка Алексеевна, я открою, всё просушу, вы не волнуйтесь. Ложитесь спать спокойно. Утро вечера мудренее. С детками-то зачем грустной быть? А завтра, может, и матпомощь вам выпишут...

Но завтра вместо матпомощи в школе прорвало канализацию. Вызвали аварийщиков из центра, у малышей занятия отменили на неделю, у старшеклассников уроки перевели в сельсовет. Аня отвела геометрию у девятого и математику у пятого, вышла из белёного здания сельсовета, остановилась у старых качелей. Качнула ржавую цепочку, не зная, куда пойти. В сельсовете не заночуешь; в школу не сунешься. Дома... От мысли, что ждёт её в тёмной, нетопленной, выделенной ей половинке доме, в горле встал горячий ком. Глотая его, Анна Алексеевна чуть не задохнулась. Так и побрела вдоль заборов, калиток и склонившихся чёрных яблонь.

– Анна Алексевна! Анна Алексевна! – крикнул кто-то из поднимавшегося с земли парного тумана. – Анночка Алексевна!

Она обернулась, перевешивая с руки на руку тяжёлый баул, в котором вперемешку лежали пожитки, объедки и повлажневшие в коробке книги.

По раскисшей чёрной тропинке, отдуваясь, бежала Клавдия Антоновна.

– Нашла вам жильё! – издали крикнула она. Аня вся подалась вперёд, ощутив, как разом заныли ноги, заломило спину и захотелось в тепло. – Жильё, говорю, нашла!

Клавдия наконец подбежала и подхватила широкую шлёвку баула. Аня благодарно выдохнула: баул уже изрядно оттянул руку.

– В вашем же доме... Другая половина, окнами на Коммунаров выходит. Видели? Хотя из сада-то не увидишь, если по зиме только, когда ветки голые. И со Школьной не увидишь – калитка-то неприметная совсем, за сиренью...

– Погодите, погодите... Ничего не поняла, – растерянно помотала головой Аня. – Что в моём доме?

– Ну, половина вторая вашего дома! – досадливо повторила Клавдия. – Она ж не пустует. Там женщина живёт, очень хорошая, Антонина Ивановна. Пожилая уже. Но всё чисто, опрятно, вы не думайте... Скучно ей. Будете с ней жить – то-то будет хорошо!

– Она сдаёт комнату?

– Да что там сдавать, всего одна комната там, чулан да кухня. Вместе будете жить!

– Как – вместе? – опешила Аня.

– Давайте, давайте, Анночка Алексевна, айдате. – Клавдия уже тянула ручку баула, увлекая Аню за собой. – Только не по Школьной спустимся, а вот там, у остановки, повернём на Коммунаров. А то дворами больно грязно, промочите ноги-то...

Плохо соображая, куда её ведут, Аня всё-таки пошла следом за уборщицей и пять минут спустя уже послушно стучала в рассохшуюся деревянную калитку. На веточках, оплетших штакетины, скрючились хрупкие коричневые листья, сами ветки вились узорно, будто кто-то нарочно закручивал их в завитки. Сквозь слои краски на заборе просвечивал рисунок вроде сетки: получалось, будто ветки оплетают чугунную решётку. «Заброшенный сад, как у Андерсена», – смутно подумала Аня и, подталкиваемая Клавдией, неловко вошла внутрь.

Во дворе хлопала та же слякоть, вилась осенняя хмарь. Клонили из-за забора тяжёлые густые ветви знакомые престарелые яблони. Из-под ног брызнули две кошки: рыжая и трёхцветная. Аня вскрикнула, засмеялась смущённо.

– Испугалась...

– Идите, идите, деточка. Не стесняйтесь.

– Клавдия Антоновна, а сколько она просит? Я ведь не смогу много платить...

– Не надо платить, Анна Алексевна. – Хрипловатый, мелодичный голос раздался из-под развесистых яблоневого плетей. – По хозяйству поможете – вот и плата.

Аня сощурилась, вглядываясь: на крыльце чернела высокая сухопарая фигура. Прямая осанка, пучок на голове, кружевная шерстяная шаль – точно так, начитавшись Чарской, она представляла выпускниц Смольного в старости.

– Антонина Ивановна, – глухо представилась старуха. – Будем знакомы.

– Будем, – машинально ответила Аня, вдруг растеряв из себя всю Анну Алексевну и оставшись просто Аней с косичками.

Клавдия помогла донести баул до крыльца. Хозяйка посторонилась, пропуская Аню внутрь:

– Оглядитесь. Подойдёт?

Вблизи старухина шаль показалась Ане крыльями хищной птицы.

Она наскоро обвела глазами промозглые сени, зацепилась взглядом за кусок трельяжа, видневшийся в комнате. Шагнула вглубь: задёрнутые шторы, кадка с геранью, круглый громадный стол под розовой скатертью, часы-ходики и ковёр на стене. Подумала: всё лучше, чем на её половине или в воняющей школе. Кивнула, невольно подстроившись под тихий голос хозяйки:

– Подойдёт.

– Вот и славно, – тенью улыбки ответила Антонина. – Спасибо вам, ради вас хоть на улицу выбралась...

Крыльцо, отгороженное от двора полувыбитыми витражными стёклами, фанерой и кружевным зарослями жгучей осенней крапивы, сложно было назвать улицей, но Аня снова кивнула.

– Проходите, Анна Алексеевна. Чайник в кухне отыщете. Буду благодарна, если вскипятите.

– Сейчас? Так сразу? – растерялась Аня.

– А чего ждать? – рассмеялась Клавдия.

Антонина Ивановна молча отступила в сени. Аня бочком протиснулась мимо; пахло от хозяйки пудрой, старым кофе и пылью. Как от тени.

В комнате стоял плотный сумрак: шторы, хоть и тюлевые, свет не пропускали – засиженные мухами, облепленные годовой грязью. Да и сумерки густели, оборачиваясь скисшим венгерским желе. Хоть ножом режь... Аня обернулась и вздрогнула: Антонина Ивановна выросла за спиной.

– Располагайтесь, милая, – и улыбнулась. – Пальто можно вот сюда, на вешалку.

Аня прошла к громадным лакированным рогам, служившим вешалкой для дублёнок, шуб и халатов, пристроила с краешку своё пальто. Рядом заметила укрытый занавеской холодильник, от которого пахло лекарствами, а поодаль, в глубине комнаты – альков, завешанный тяжёлым бархатным покрывалом. Видимо, там пряталась хозяйская кровать.

– Подойдёт вам диван?

– Подойдёт, Антонина Ивановна, – кивнула Аня, ловя себя на том, что только и делает, что кивает. – Всё лучше, чем там... – махнула рукой в сторону стены, где, по её соображениям, располагалась вторая часть дома.

– Лучше, – непонятно, полувопросом ответила хозяйка. – Лучше... Располагайтесь.

Пока Аня возилась, расстёгивала манжеты блузки, пока разбиралась с пуговицами, Антонина Ивановна скрылась за бархатными занавесями-покрывалом. Послышался сухой кашель, шуршание полотна.

Аня, ёжась, огляделась. Неуютно было раздеваться в чужом доме, но больше пока голову приклонить негде... Обхватила себя руками, на цыпочках прошла в кухню, к белой печке. Поискала глазами чайник. Печка была тёплая, но не топилась: не трещала, не гудела. Чайник нашёлся на посудной решётчатой полке, за полчищем чашек и блюдец. Аня открыла крышку, поболтала внутри воду, оценивая, хватит ли на две чашки, понюхала. Сморщилась: пахло болотом.

– Антонина Ивановна, а где можно водички набрать?

– А там есть, милая. Вы ставьте на конфорку на печке, прямо как есть. Там хороший чай. Отвар...

Аня, закусив губу, закрыла крышку и водрузила чайник на чёрный блин конфорки, вделанный в печку и неаккуратно обмазанный штукатуркой. Хотела, пока кипит, разобрать вещи, но только дотащила баул от дверей до кровати, как чайник зафырчал, а крышка запрыгала, неприятно дзынькая по горлышку.

Аня, недоумевая, вернулась. Сняла крышечку. Внутри вовсю пузырилась тёмная вода. «Видимо, и так был тёплый» – подумала и снова принялась, но болотом больше не воняло: пахло какой-то травой, как на лугу летом – влажновато, терпко, пряно. «Показалось», – решила Аня и разлила воду по двум пиалам – точь-в-точь как у Клавдии. Видимо, завезли когда-то в сельпо, и теперь у всего Яблоневого такие...

Взяла пиалу кончиками пальцев и осторожно, чтобы не расплескать, понесла через комнату к кровати. Глядела под ноги, шла, как по пёстрой карте: половики – поля, половицы – мутные реки, заплаты линолеума – сжатые пашни...

– Спасибо, Анна Алексеевна, – послышалось из-за бархатных занавесок. – Давно не пила горячего...

В щель просунулись две руки: сухие, тонкие, с прозрачной кожей, сквозь которую виднелись жилки и вены; в венах стучками толкалась кровь. «Как будто она русалка» – мельком

подумала Аня. Спросила, беря вторую пиалу и присаживаясь на краешек заваленного тряпьем кресла:

– Вы нечасто печку топите?

– Маруська топит, когда приходит, – помолчав, ответила Антонина. Закашлялась за пологом. Отхлебнула.

Странно было разговаривать, не видя лица. Хозяйка сидела совсем близко, но из-за тяжелой бархатной преграды между ними голос казался далёким, как с того конца улицы.

– Маруська – это девочка соседская. Славная... Помогает иногда по хозяйству. Печку затопит, мусор вынесет, проветрит... Славная...

Аня глотнула чаю. Вкус был необычный: грибной, сладкий, перцовый.

– А что это за заварка, Антонина Ивановна?

– Лечебная. Лечебная заварка, милая.. – прошелестело из-за занавесок. – Вы отдыхайте... Располагайтесь, как нужно, не стесняйтесь ничего... Маруська не придёт нынче – вчера заходила. Никто вас не побеспокоит...

Голос её затихал, укачивал, баюкал. Аня опомнилась, только когда пиала с багровой жидкостью оказалась совсем близко: умаялась за день, видимо, вот и заклевала носом. Аня вдохнула поглубже и едва не подавилась: пах отвар ржавчиной и свежей кровью.

Выдохнула, аккуратно убрала чашку от лица. Сглотнула, вдохнула ещё раз.

– Да просто травы такие. Вы не смущайтесь, – донеслось до неё.

«И почудится же...» Аня поднялась, отошла к дивану. Баул доверчиво распахнул нутро навстречу её рукам: выпрыгнуло постельное бельё, выпорхнула домашняя одежда. «Не буду сегодня мыться, – преодолевая дрему, решила Аня. – Или надо... И спать так хочется... Не буду. Завтра. Завтра...» В голове стоял комариный звон; очень хотелось спать.

Анна Алексеевна даже не расчесалась на ночь: только набросила на диван простынь, завернулась в неё, как в кокон, и уснула – без одеяла, без подушки, глубоким, бесчувственным сном.

Глава 2. Село и Сальери

Кирилл, сгорбившись, сидел на кровати – лицом к стене, спиной к Ане и маме, чтобы не видели его красных опухших глаз.

– Кирик, – позвала Аня тихонько. Подошла, положила ладонь на его костлявое плечо. Брат дёнулся и сбросил её руку. – Ну Кир... ну... что теперь делать... Может быть, тебя Алла Аркадьевна согласится взять в консерваторский класс...

– Какой консерваторский класс? – злобно, в нос пробормотал Кирилл. – Что потом-то? После него? Какая разница, сейчас или через два года бросать?

– Но почему ты бросать-то хочешь? – мягко спросила мать. – Кирилл... Мало ли что за два года изменится?

– А что изменится? – взорвался брат и резко повернулся к ним – отчаянный, зарёванный, опустошённый. – Ничего! Ни-че-го! Как не было денег на это, так и не будет!

– У тебя ещё две попытки будет попробовать, прежде чем закончишь школу.

Брат посмотрел на Аню, как на тупицу.

– Берут после восьмого. И после одиннадцатого, но там экзамен в три ступени. Даже с консерваторским классом... не потянуть.

Ясно было, что вместо «не потянуть» у Кирилла на языке вертелось что-то непечатное, но всё-таки сдержался. При Ане у него иногда вырывалось, но при матери он старался не материться.

– Кир. А если...

– Девять подвигов Сена Аесли¹, – всхлипнул Кирилл, вытирая кулаками глаза. – Отстаньте. Уйдите. Пожалуйста!

– Кирилл! – не отступала Аня, уже подготовившая новые аргументы. – Ты можешь написать мотивационное письмо, объяснишь ситуацию... Мы можем съездить туда... Договориться... У Аллы Аркадьевны наверняка есть какие-то знакомые. Подготовишь что-нибудь для прослушивания...

– Отвали! – заорал брат, соскакивая с кровати и швыряя в Аню подушкой. – Тупая!

Аня, которой врождённая чуткость отказывала точно в критические моменты, набрала побольше воздуха, чтобы рассказать брату, как он не ценит их с матерью труд, как пренебрегает возможностями и прямо сейчас факкапит собственное будущее, но мама быстро вытолкала её из комнаты, вышла следом и захлопнула дверь.

– Пусть. Успокоится, – сумрачно произнесла она, выпуская Анину руку. – Не лезь к нему.

Тяжело дыша, Аня кивнула, но сдаваться так просто не собиралась. Предназначенный брату запал требовал выхода. Требовал – и нашёл его, самым невообразимым и вдохновенным способом.

– Мама, я знаю, откуда взять денег, – сверкнула глазами Аня.

Мать вопросительно и недоверчиво уставилась на старшую дочь.

– Я знаю, – повторила Аня. – Я не поеду ни в какой институт. Напишу заявление, что хочу работать в селе. Подъёмных дают миллион. Киру хватит, как минимум, на два года. И мне останется. А там он, может, какую стипендию себе заработает. Или правда что-то произойдёт.

– Анька... Нет. Нет, конечно, – резко ответила мама. – Менять МПГУ на деревню – это, извини меня... как бы выразиться...

– Дауншифтинг, – кивнула Аня с язвительной улыбкой. – Да-да, мам. Только из меня вряд ли Макаренко получится или Викниксор. А вот из Кира может получиться Моцарт. Так что всё.

– Моцарт... – вздохнула мать. – Ты ему не говори пока. Обдумай как следует. А то тебя, как всегда, на волне-то занесло высоко-высоко. А потом передумаешь...

Аня рьяно покачала головой. Хмыкнула:

– Моцарт, блин... Главное, чтоб не Сальери.

– И всё-таки подожди хотя бы до вечера, Аня... Обдумай...

– Некогда думать. Зачёт, – бросила Аня и грохнула дверцей шкафа. Загремела вешалками, отыскивая блузку и брюки. Поразмыслила и кинула на диван юбку.

– Мам, подкрасишь меня? Сегодня Андрей Палыч принимает. Хочу быть при параде.

– На село и с тройками возьмут, – грустно съехидничала мать.

– Ну а вдруг я всё-таки когда-нибудь соберусь в МПГУ... Аттестат четыре года действует. Подкрась, пожалуйста. Ресницы только. Ну и помадой можно чуть-чуть.

– Иди умойся сначала. А то зарёванная не хуже Кирилла.

– Чего?!

Но, увидев себя в зеркале, Аня убедилась, что мама права: ресницы у неё и вправду слиплись острыми стрелками, а лицо было красным, как будто она только что тёрла его скрабом.

Дурацкое свойство: чуть что – сразу в слёзы, и даже сама не замечаешь.

Аня умылась, вытерлась полотенцем с гусями и вернулась обратно. Успела увидеть, как закрылась входная дверь.

– Кирилл ушёл гулять, – нервно сообщила мама. – Как бы не надел чего...

Аня быстро заглянула в комнату брата. Чёрного футляра на привычном месте не было.

– Скрипку взял. Наверно, пошёл к Алле Аркадьевне. Горем делиться.

¹ «Девять подвигов Сена Аесли» – роман Андрея Жвалевский и Игоря Мьтько.

– Может, она что-то придумает?.. – с надеждой предположила мать. – Всё-таки опыт. Сколько у неё учеников было?

– А помнишь, как она говорила на собрании – что в консерваторию её ученики поступать будут только через её труп? Она Киру скажет, что он дурак, ещё и отругает, что запись отправлял на прослушивание.

– А она не знала?..

– Так и ты не сразу узнала, мама. Кирилл просил не говорит, пока первый тур не пройдёт. Ох, лучше бы в первом туре и отсеяли! А то дали надежду и оставили с носом...

– Иди уже, Аня. Опоздаешь на свой зачёт, – расстроено велела мама.

– Мам! Подкрасить!

Мама вздохнула. Достала из сумки косметичку, вынула тушь.

– Сядь за стол. Не вертись. Да не вертись, Аня! Всё размажешь...

...Она уже опаздывала, но всё равно сделала небольшой крюк: прошла под окнами старой, сложенной из бордового кирпича музыкалки, отыскала глазами кабинет Кириковой учительницы.

Несмотря на ранние и светлые апрельские сумерки, лампа уже горела. В бледно-желтом квадрате окна темнели два силуэта. Ане показалось, что тот, что слева, принадлежал брату.

Глава 3. Флигель с колодецем

Наутро была пятница. Аня проспала без всяких снов, а когда открыла глаза, увидела над головой дощатый крашенный потолок, почуяла слабый, кисловатый душок трав, скользнула рукой по тяжёлому одеялу и не сразу поняла, где находится. Когда сообразила, тут же зашарила под подушкой в поисках телефона. Шесть пятнадцать.

За окном занимался сумрачный, сероватый рассвет. Вылезать отчаянно не хотелось; в принципе, можно было поспать ещё почти час, уроки начинались только в половине девятого, но Антонина уже глухо гремела чем-то в кухне. «Старческая бессонница», – подумала Аня и осторожно спустила ноги с дивана. Никаких тапок, разумеется, не оказалось – вчера было не до того, чтобы раскладываться. Она дотянулась до колготок, которые оставила на стуле, натянула «учительскую» юбку, накинула поверх майки блузку и, на ходу застёгиваясь и приглаживая волосы, пошла выяснять, где тут можно умыться.

– Доброе утро, Анечка, – поздоровалась Антонина, даже не обернувшись. Она возилась с чем-то у плиты; пахло тёплым поджаристыми хлебом. – Как спалось?

– Доброе утро, Антонина Ивановна. Хорошо спалось, – пряча зевок, ответила Аня. – Скажите, а где умыться можно?..

– На новом месте, говорят, приснишь жених невесте. Не снился? – усмехнулась Антонина, шурша по сковороде деревянной лопаткой. – Во флигельке колодец есть, там же кран рядышком. Спасибо Илье Петровичу, подвёл прошлой осенью воду. Тут тоже есть, посуду мыть удобно стало. И умыться можно. Но я пока тут вожусь, вам, наверное неудобно будет...

– А куда это – во флигель?..

– Выходите в сени, там тёмная дверка слева. Раньше колодец на улице был, но в дождь больно плохо туда по лужам, по траве. Накрыли навесом, стенки поставили. Это ещё Ванюшка сделал, лет десять назад.

Аня решила, что Ванюшка – это муж Антонины Ивановны; тактично промолчала. Потопталась, вспоминая, как пройти в сени. Снаружи Антонинова половина дома казалась приземистой, тесной, слепой, как крот, но внутри каким-то образом помещались целые лабиринты кладовок и пристроек, не говоря о кухне и огромной сумрачной комнате.

– Туда, – махнула лопаткой Антонина, будто услышав Анины мысли. С лопатки сорвалось несколько поджаристых крошек. Аня бросилась подбирать, но Антонина снова махнула рукой: – Не надо, Анечка, Маруська сегодня наверно прибежит, мы с ней приберём...

– Я помогу, – пообещала Аня.

Антонина обернулась от плиты, не слушая, ласково улыбнулась:

– Маруся недалеко совсем живёт. Как Ванюшка перестал приезжать, она мне помогать стала... Пол помыть, воду принести. Колодец недалеко, а всё-таки.

– Большая?

– Большая уже, – закивала Антонина. – Нынче девятый класс.

– Девятый? Значит, моя. Маша Калинина, нет?

– Да, да, Маша Калинина, – ещё ласковей заулыбалась Антонина. – Хорошая девочка...

Как учиться-то?

Аня, которая ещё не до конца изучила непредсказуемых тудем-растудем девятиклашек, Машу Калинину, тем не менее, помнила отлично.

– Хорошо учиться. Думаю, на олимпиаду в этом году пойдёт по геометрии.

– Ну и ладно. Хорошая девочка, – повторила Антонина, хлопая дверцами скрипучего навесного шкафа. – И семья у них хорошая. Никто не пьёт.

– А у многих пьют?.. – тихо спросила Аня, переминаясь на холодном полу в одних колготках.

– У многих, Анечка. Вы идите. Умывайтесь, одевайтесь, а потом позавтракаем. В кои-то веки за стол сяду не одна. Маруся-то со мной редко остаётся. Прибежит, поможет, убежит... Школа, уроки, дома заботы. Брат у неё маленький. Михаил. Годика три.

Почему-то Аню очень обрадовало, что у Маши тоже есть брат. Как будто это автоматических сближало. Она вернулась в комнату, вытащила из баула полотенце, косметичку и пошла искать флигелёк с колодцем.

У чёрной, с едким духом гнильцы дверки в сенях обнаружили огромные галоши. Предполагая, что они предназначены для выходов на «полуулицу», Аня, слегка брезгуя, всунула в них ноги и почапала по хлипкому коридору. В стенах было больше щелей, чем досок, ламп не было, но было совсем светло: сентябрьское солнце, розовое и раннее, золотило доски и сочилось из щелей щедрым розовым потоком.

Аня улыбнулась. Коридор закончился тупичком, открытым всем ветрам. Стены окончательно исчезли, но крыша ещё тянулась вдаль, последним усилием прикрывая каменный колодец, заросший зеленовато-серым, искрящимся на солнце мхом.

Ни крючка, ни полки. Хотя, возможно, для этой цели использовали колючие низкие ветки, нависавшие над колодцем и тянувшихся под, с позволения сказать, крышу. Листва ещё не опала и почти не пожелтела, и по бронзово-зелёным листьям скакали алые, рыжие и белые искорки.

Аня перекинула полотенце через шею, зажала косметичку коленями и покрутила вполне современный хромированный краник, к которому от колодца шла гибкая гофрированная труба.

– На стыке природы и техники, – хмыкнула она, мельком оглядываясь: чуть впереди – забор, разделявший двор на её и Антонинину половину, кусты красной смородины и заросший дикий малинник; сквозь ветви просвечивала давно не белёная стенка заброшенного свинарника. Глядя на всё это запустение, странно было думать, что когда-то тут был большой скотный двор, огород, участок... Когда-то – и ведь даже не так уж давно.

Вода из-под крана текла бодрая, холодная, но не ледяная, чуть затхловатая на вкус, иззелена-прозрачная. Ладони, когда она набрала воды в пригоршню, тоже стали зеленоватыми – как будто Аня смотрела на них сквозь очки из «Волшебника Изумрудного города»².

² «Волшебник Изумрудного города» – повесть Александра Волкова.

Она плеснула воды в лицо, почистила зубы, расчесалась, но заплетаться пока не стала – всё равно без зеркала ничего путного не выйдет. Вытерев руки, намазалась душистым кремом, перебившим затхлый запах мягким пудровым ароматом.

Подволакивая ноги в великанских галошах, Аня вернулась обратно, зацепив по дороге мокрую ветку яблони и забрызгав блузку. После улицы (а колодец с чистой совестью можно было назвать стоящим на улице) в доме казалось тепло, даже душно. Она скинула галоши, на цыпочках пробежала в комнату (ноги всё-таки стали влажными) и собралась уже по-хорошему: перед огромным, в массивной медной раме зеркалом прибрала волосы, поправила перекрученную юбку, накинула жилет. Достала из старого пенальчика серёжки и белое колечко, побрызгалась духами и повесила на плечо дежурную кожаную сумку.

– Анечка! – позвала из кухни Антонина. Аня, чувствуя, как после похода к колодцу в ней разыгрался волчий аппетит, отыскала наконец свои тапки и быстро пошла на зов.

– Пахнет восхитительно! – искренне сообщила она, учуяв, что к запаху гренок добавился аромат сырников и, что было совсем уж чудесно, кофе.

– Я иногда Марусеньке варю. А Ваня очень любит со специями...

«Любит? Так значит, муж у неё не умер? Или Ваня – это не муж?..» – растерялась Аня, но выяснять не решилась. Тем более что Антонина уже поставила перед ней тарелку с сырниками, плоску со сметаной и пиалу с повидлом.

– Кушайте, Анечка. Вам много сил надо. Сорванцы у нас в Яблонево ещё те, сами уж, наверно, поняли... Сейчас будет кофе. Сметаны нет, вы простите. Кончилась. Я ведь даже за продуктами не могу выйти... Сил нет. Одна Маруська выручает, да соседи иногда.

Аня, уже надкусившая пышный, сочный сырник, почувствовала неловкость – как будто обедала старуху.

– Антонина Ивановна, вы напишите список, – попросила она. – Я зайду после уроков и куплю всё. Хорошо?

Антонина поставила на стол две чашечки с кофе, прямо расцвела:

– Спасибо, Анечка! Спасибо! Только вы и не представляете, сколько всего надо. Машеньке тоже ведь всего не поручишь, девочка совсем. А чужих обременять не хочется – хлеба, молока, да и всё... Мне ванилин нужен, разрыхлитель кончился. Розмарин, корица... Ковшик. У старого ручка сломалась... Мясо бы выбрать. Умеете выбирать? Да конечно умеете, вон какая барышня образованная. Я напишу, напишу сейчас же. Вы пока пейте кофе.

– Да вы тоже попейте! Я же не сей момент ухожу, – смутилась Аня.

– Ничего, ничего... Я остывший даже больше люблю. Анечка, я вам прямо свой колешёк дам, ладно? Чего отсчитывать по бумажке... Сколько понадобится, столько и потратите. Пенсия была недавно, Светлана Семёновна на днях принесла. Она по доверенности получает на почте...

«Совсем, видимо, никуда не выходит».

Аня вдохнула густой запах кофе. Не кислый, не пережжённый; слегка дурманящий. Сделала глоток – разлился на языке терпкой, мятно-острой горечью с лёгким привкусом мёда.

– Антонина Ивановна... Это волшебно. Никогда такого не пила. Научите варить?

– Конечно, милая моя. Чему захотите, научу, – рассмеялась Антонина и закашлялась. Успокоившись, быстро ушла в комнату, зашуршала чем-то. Вернулась с белой бумажкой с логотипом какого-то отеля и старинной ручкой со вставкой; совсем старинной – Аня о таких только читала.

Пока она молча, маленькими глотками пила горячий кофе, Антонина, нацепив очки и ловко орудуя ручкой, готовила список. Наконец неуверенно подвинула листочек – Аня заметила, что руки у неё сухие, в глубоких тёмных морщинах и цыпках.

«Мыло хозяйственное. Прищепки. Куркума. Цветы»

– А цветы какие?.. – недоумённо спросила Аня.

– Да какие... Простенькие-какие-нибудь, – смутилась Антонина. – Так люблю, когда в доме цветами пахнет. Но лучше бы лилии, если будут. Знаю, что дорого. Ванечка мне на каждую годовщину свадьбы лилии дарил. Какой запах... Свежестью, юностью, холодом... Словно молодой кровью пахнут.

Аня нахмурилась. Странно слышать, что цветы пахнут кровью. Вспомнился вчерашний чай.

– Очень много понаписала, простите старуху... Не обязательно всё. Продукты бы, главное...

– Я куплю, – пообещала Аня. – Закончатся уроки, и зайду в «Лев».

– Вы лучше идите в «Ромашку», – посоветовала Антонина. – Там дешевле, говорят. И хлеб пекут вкуснее.

– А «Ромашка» – это где?

– А за школой. Как через пустырь перейдёте. Рядом с остановкой, которая на Крапивинск.

– Я думала, у крапивинского автобуса в Яблонево только одна остановка...

– А он там и не останавливается уже давно. Туда только грузовики с товаром приезжают. Но сама остановка осталась. Красивая, кирпичная... Как сказочный домик. Вот около неё «Ромашка».

Аня рассеянно улыбнулась, дожёвывая сырник.

– Спасибо, Антонина Ивановна. Очень вкусно!

– Не за что, милая, не за что... Иди. Ребята ждут.

– До вечера?..

– До вечера. Машеньке Калининой привет передавай.

– Обязательно, Антонина Ивановна. Вы посуду не мойте. Я приду и вымою всё.

Аня составила в выскобленную, обколотую по краям мойку чашки, тарелку, лопаточку и пиалу. Чугунную сковородку оставила на плите – та ещё не остыла и шипела на брызги.

В полутьме сеней ощупью отыскала своё пальто, натянула ботинки и распахнула дверь. С улицы брызнул лазурно-белый, уже совершенно утренний свет. Посмотрела на часы – батюшки, восемь! И когда успело набежать! Крикнула:

– До свиданья, Антонинванна!

И, оскальзываясь на сентябрьской росе, бросилась к школе.

Глава 4. Бесконечная пятница

Первый урок был в девятом – геометрия. Вторым и третьим – математика в пятых а и б. Четвёртым было окно, а пятым – снова девятый, на этот раз – алгебра. Во время окна Аня собиралась перекусить в школьной столовой с максимально демократичными, на её взгляд ценами. Весь третий урок рот наполнялся слюной при мысли о сосиске с пюре и сахарной московской плюшке, но сбыться надеждам было не суждено.

После звонка на четвёртый урок по рекреации пронёсся топот, с каким мамонты, должно быть, неслись к водопою (в данном случае восьмиклассники торопились на географию). Выждав, пока топот утихнет, Анна Алексеевна вышла в коридор, плотно прикрыла дверь кабинета и направилась к лестнице. На площадке между первым и вторым этажом она обнаружила съёжившуюся на подоконнике фигурку. По косичкам с разными резинками быстро опознала Калинину.

– Марусь? – позвала она, почему-то назвав Машу этим ласковым, смешным именем – как Антонина Ивановна. – Маша?..

Калинина независимо передёрнула плечами и вздохнула – сошлись и разошлись под коричневой водолазкой лопатки. Аня истолковала этот жест как «Отстаньте», но вспомнила себя в подобных ситуациях и решительно уселась рядом, быстро прокручивая в памяти пер-

вый урок. Был как раз девятый класс. Были какие-то намёки? Маруська сидела обиженная?.. Нервная?..

Да, вспомнилось, всплыло, что Маша Калинина нынче (да и всю последнюю неделю) – какая-то дёрганая и напряжённая. непохожая на ту улыбочивую сообразительную девочку, которую Анна Алексеевна выделила среди остальных ещё на линейке первого сентября. Маша, как прежде, тянула руку, знала все ответы на все вопросы и решала всё быстрее всех, но то и дело хмурилась... оглядывалась... Нервничала и была недовольна.

Чем больше Аня вспоминала сегодняшний урок и прошлую неделю, тем больше про-скальзывало деталек: вот она, взмахнув косичками, недовольно садится, не закончив ответа: кто-то перебивает. Вот победно вскидывает руку – решила, первая, ура! – но не успевает Аня кивнуть, как к Машинной ладони присоединяется ещё чья-то... Вот она хохочет на перемене с девчонками – те расселись на парте, болтают ногами, а Машка стоит, на парту сесть как-то неудобно, хотя местечко есть... Подходит Ксюша, бесцеремонно подвигает чьи-то тетради и усаживается между одноклассниц. Маша подхватывает пенал, балансирующий на краю парты, и, раздражённо бросив что-то, уходит в коридор. Ксюша пожимает плечами и смеётся. Девчонки неуверенно вторят, кое-кто оглядывается на Калинину...

Ксюша Шилова пришла в школу вместе с Анной Алексеевной – первого сентября, но за несколько недель уже завоевала в классе уважение и даже восхищение со стороны многих девчонок. Она броско красилась, носила облегающие блузки и короткие юбки (всё в меру, впрочем), перед самым учебным годом сделала мелирование, пользовалась духами и подводила аккуратные, густые стрелки. Когда Анна вызывала Ксюшу к доске, вошедший в класс мог и перепутать, кто тут учительница, а кто ученица.

– Анна Алексеевна, вы хотели рассказать про теорему Менелая, – напомнила Ксюша в конце урока.

Ане, которая завертелась, разбирая несчастные задачки ОГЭ, под конец урока было уже не до Менелая, но она кивнула:

– Да, спасибо, Ксюш. У нас осталось пять минут до звонка, с доказательством разобрать уже не успеем... А ты знаешь эту теорему?

– Прочитала, – скромно улыбнулась Ксюша. – Кажется, очень дельная. С ней очень изящные решения могу получиться.

– Верно, – усмехнулась Аня, которая сама узнала об этой теореме в прошлые выходные. – Может быть, расскажешь? Без доказательства. Кто захочет, дома разберёт, а потом обсудим.

Ксюша улыбнулась. Встала, одёрнула юбку и уверенно пошла между парт к доске. Пока она наскоро расчерчивала цветными мелками введённый в доску треугольник, Аня оторвалась от журнала и бросила быстрый взгляд на Машу. Та сидела, уткнувшись в учебник и обхватив голову руками. Со стороны могло показаться, что она просто вчитывается в теорему, но почему-то Анне Алексеевне показалось, что она пытается заткнуть уши, чтобы не слышать звонкого Ксюшиного голоса и стуканья мела по доске.

...Когда у тебя восемнадцать человек в классе, тебе не до одной девочки; Аня сглотнула и повернулась к доске.

– ...Вот такая вот теорема, – закончила Ксюша. – Я вроде бы читала, что есть близкая теорема Чевы...

– Всё правильно. Эти две теоремы идут парой, но в ОГЭ пригодятся вряд ли. Конечно, применить можно, но это как стрелять из пушки по воробьям. А вот для тех, кто решит готовиться к ЕГЭ, это будет очень хороший, мощный инструмент.

Звонок. Маша, в мгновение ока запихав в рюкзак тетради и ручки, метнулась из кабинета. Ксюша, стерев с доски и отряхнув руки, ждала, пока Анна Алексеевна закончит заполнять журнал. Обычно из кабинета в кабинет его носила Калинина, но, видимо, сейчас ей было не до того. Аня захлопнула красный классный журнал и отдала Ксюше. Кивнула.

– Какой у вас следующий урок?

– Литература. Потом две технологии. Ночнушку шьём, – иронично подняв аккуратно выщипанную бровь, вздохнула Ксюша.

– Мы тоже шили когда-то, – вспомнила Аня, улыбнулась и полезла в ящик стола, показывая, что Ксюша может идти. Шилова, зажав журнал под мышкой, подхватила тёмно-красную кожаную сумку и пошла к дверям.

– До свидания, Анна Алексеевна.

– До свидания, Ксюш, – рассеянно отозвалась Аня, просматривая наискосок план урока в пятом а.

Шумный пятый а, а затем шепучной пятый б пробежали мимо неё, как два каравана мамонты. Полтора часа пролетели моментально. Наконец наступило окно, Аня вышла в коридор, увидела скрючившуюся на лестнице Машу Калинину и вспомнила о первом уроке.

– У вас же технология сейчас. Ты чего? Нехорошо себя чувствуешь?..

Калинина снова дёрнула плечами. Анна Алексеевна пошла ва-банк:

– Машка. Ты из-за Ксюши, что ли, расстроилась?

Маруся съежилась ещё сильнее и сжала кулаки. Ясно всё.

– Иди на урок. Глупо на неё обижаться. Правда!

Аня имела в виду, что всем учителям ясно, что Ксюша выпендривается и пытается казаться взрослой. Смешно сердиться на эти её потуги. Но не могла же она сказать это открытым текстом! Вот и пришлось... сухо так.

– Не стоит из-за неё прогуливать. Наживёшь себе неприятностей. И ночнушка лишней не бывает.

– Откуда вы знаете? – глухо спросила Маша, незаметно вытирая глаза.

«Про ночнушку? Или про Ксюшу?» – хотела спросить Аня, но не решилась.

– Надо платок?

Маша наконец подняла лицо, и Аня тяжело вздохнула.

– Иди умойся сначала.

Калинина встала. Бросила:

– Терпеть её не могу.

И быстро пошла прочь, сжимая и разжимая кулаки.

Аня, думая, не нужно ли было как-то получше утешить Машку, медленно двинулась в столовую. Без особого аппетита пожевала макароны с подливой, а вожделенную плюшку завернула в салфетку и убрала в сумку.

– Анна Алексеевна? Присоединюсь?

На скамейку рядом с ней опустилась Галина Аркадьевна – завуч и завхоз в одном лице.

– Конечно, – кивнула Аня, с подозрением окидывая завуча быстрым оценивающим взглядом. От этой дамы приятного ждать приходилось редко: всё чаще их разговоры заканчивались наставлениями, настойчивыми рекомендациями и замечаниями в Анин адрес.

– Приятного аппетита. Как вам у нас, Анна Алексеевна? – как бы между прочим спросила Галина, разламывая пополам кусочек хлеба и придвигая солонку. – Не обижают?

– Нет. Честно говоря, удивлена даже. Думала, будет сложнее, – призналась Аня, промокая салфеткой губы; из головы почему-то никак не шли Маша и Ксюша. – Достаточно спокойные, дисциплинированные дети. Ну, в целом.

– В целом, – хмыкнула Галина Аркадьевна. – В целом и в частности... Это хорошо, что не обижают. Вы какая-то удивительная новенькая, уж простите. Обычно такое взаимопонимание с учителями возникает редко, особенно сразу. Смотрю на вас и думаю: может, дело в возрасте? Вы ведь лет на пять старше девятиклашек, так?

– Так, – не понимая, к чему клонит завуч, насторожилась Аня.

– У Лидии Чарской – читали? Наверняка читали! – в одной повести есть слова о надзирательнице в приюте, «молодой педагогичке». Она была ненамного старше своих учениц, разделяла их интересы. Они её любили, очень уважали, тянулись к ней... Может быть, в вашем случае дело в том же?

– Я бы не сказала, что меня как-то особенно любят или тянутся, – усомнилась Аня. Галина Аркадьевна хмыкнула.

– Это вы просто других не видели. На вашем фоне... В общем, Анна Алексеевна, поверьте... Поверьте, детям вы нравитесь. Кто ближе по возрасту, тому больше доверия. Тот и по интересам ближе... Меня вот, например, вчера семиклассники попросили домашку большую не задавать – вечером премьеры какого-то ведьмака была. Что за ведьмак? Я и не в курсе даже.

– Премьера? Да ладно! Как я так пропустила? – совершенно искренне спохватилась Аня. – Это сериал по книге Анджея Сапковского.

– Вот видите. Вы знаете, а я первый раз слышу... Стоит посмотреть?

Аня рассмеялась.

– Боюсь, вам не очень понравится. Это славянское фэнтези. Я сама не читала, но смотрела этот сериал, снятый другой студией...

– Тогда надо Наталье Викторовне порекомендовать. Может, на уроках посмотрят? Хоть так в историю завлечь. А то ведь у них на уроках такое творится... Наталья Викторовна и так, и эдак вовлекает – и макет Парфенона они строили, и какой-то викторианский спектакль ставили. А хоть кол на голове теши.

– А кто-то сдаёт историю?

Галина Аркадьевна глубоко вздохнула. Посмотрела на Аню ласково и печально.

– Вот видите... Вы ещё даже мыслите, как они. Не обижайтесь, Анна Алексеевна, я не в плохом смысле! Имею в виду, что вы думаете о знании предмета примерно так: кто сдаёт – тому надо знать. А кто не сдаёт – ладно, как-нибудь и так сойдёт... Ученики ведь так же думают.

Аня хотела было обидеться, но сообразила, что так оно и есть. Ученическое мировоззрение, оставшееся со школьных времён, до сих пор не уступило место учительскому.

– И к лучшему, наверно... – словно озвучив её мысль, задумчиво протянула завуч. – Вы кушайте, кушайте, Анна Алексеевна. А то я тут вас заболтала...

– Да я уже всё, – улыбнулась Аня. – Приятного аппетита вам. А я пойду. Хотела тетради проверить у пятиклассников, пока окно...

– Идите. Идите, – кивнула завуч и щедро посыпала солью своё пюре.

От окна оставалось около получаса. Можно было действительно потратить их на то, чтобы «по горячим следам» проверить тетради пятиклашек. А можно было за семь минут добежать до дома. Ещё семь минут на обратную дорогу – итого останется шестнадцать минут. Вполне хватит, чтобы подогреть Антонинин кофе и нафиг отрешиться от Галининых выводов и Машкиных переживаний.

Так Анна Алексеевна и сделала. После кофе вернулась в школу одновременно довольной и недовольной собой, а ещё – в радостном предвкушении: утром почтальон принёс письмо от Кирилла. Кирик всегда предпочитал бумагу имейлам, и даже со своими друзьями-юным музыкантами переписывался через Почту России. Говорил, что в этом есть какая-то романтика: письма, как мелодия: пока достигнут адресата, впитают в себя многое от окружающего мира, сольются с ним в чём-то... Аня этих тонких рассуждений не разделяла, но письму была рада. Быстро прочитала за кофе начало и конец, убедилась, что брат цветёт и пахнет, и упорхнула в школу, предвкушая дочитать, как только выдастся минутка. Но минутка не выдалась ещё очень, очень долго...

В ожидании педагога около кабинета уже кучковались девятиклассники. Девочки прикладывали друг к дружке простенькие, недошитые ситцевые ночнушки, мальчишки хихикали. Митя Лебедев, удивительно интеллигентный, мягкий и вежливый раздолбай, посасывал кровивший палец – видимо, досталось на технологии. Интересно, что там делают пацаны? Щётки-смётки? Скворечники? Хромые табуретки?

Аня кинула в сумку перчатки, нащупала в боковом кармашке письмо Кирилла, мысленно улыбнулась. Открыла дверь. В классе было удивительно свежо, пахло вымытым полом, мелом и влажной доской: видимо, Клавдия Антоновна, пользуясь её отсутствием, внепланово навела порядок.

– Заходите, – позвала Аня учеников, убрала пальто в шкаф, поставила сумку на подоконник и положила письмо под учебник алгебры. Кабинет наполнился гомоном. Длинный Лебедев по пути к последней парте умудрился запнуться и, цепляясь за стулья, чуть не улёгся в проходе.

– Не выспался, Митя? – дружелюбно спросила она. – Давай, встряхнись. Последний урок. Или у вас ещё есть?

– Нету, – радостно заорали девятиклассники.

«Социальный космос в ожидании субботы»³, – подумала Аня, наблюдая за Ксюшей Золоторёвой, теребившей тоннель в ухе, за Лебедевым, укладывавшимся вместо подушки на пухлую общую тетрадь, за Ксюшей Ивериной, которая складывала пальцы сердечком и над чем-то беззаботно хохотала... Удивительно, как в таком маленьком классе оказалось целых три Ксении. Где, кстати, третья?.. И Маша?..

Ни Шиловой, ни Калининой в кабинете не было. Прозвенел звонок. Аня подождала, пока девятиклашки угомонятся, но девочки так и не появились.

– Ну что, как дела с домашкой? – спросила она, думая совсем о другом. – Решали вчера самостоятельно или сегодня коллективно, на технологии?

Многие отозвались смешками, особенно мальчишки. Ладно, теперь понятно, чем вы на трудах занимаетесь. Аня вспомнила тупичок в коридоре за кабинетом алгебры в своей родной школе в Крапивинске – сколько было решено или судорожно списано в нём её собственных домашек... Могла ли она подумать в те дни, что сама станет учить детей математике.

Ей вдруг стало смешно, несмотря на отсутствие двух человек.

– Митя, хватит спать. Сходи-ка, поищи Машу и Ксюшу Шилову. Тема важная, нечего филонить.

– У них поди махач, – предположили откуда-то с камчатки. Аня насторожилась, но сделала вид, что не услышала. Длинный добрый Лебедев послушно пошёл к выходу, но уже в дверях столкнулся с запыхавшимися и красными девочками.

Маша, опустив голову, буркнула какие-то извинения и быстро прошла к учительскому столу. Шлёпнула журнал и юркнула за свою парту.

– Простите за опоздание, Анна Алексеевна, – чётко извинилась Ксюша, прошла за парту, подмигнула Маше и открыла учебник.

Да что у них такое происходит?

Калинина весь урок был необычно тихой, только под конец несколько раз подняла руку. Шилова вела себя как обычно: внимательно слушала, задавала вопросы, периодически любовалась, как на её соломенно-золотистых, с высветленными прядями волосах играет солнце.

Когда бесконечный, как арифметическая прогрессия, последний урок пятницы наконец вплотную приблизился к звонку, погода разгулялась вовсю, и девятиклассники разве что не подпрыгивали на своих местах. Шилова, махнув рукой на амплу девочки-отличницы, достала тени и тишком под партой гляделась в зеркало. Митя, растянув рот от уха до уха, сонно принимал солнечные ванны. Золоторёва и Иверина активным шёпотом обсуждали концерт какой-

³ Цитата из песни «Один день дяди Жоры» Тимура Шаова.

то металл-группы, на которую собирались ехать в эти выходные. Мечтательная Оля Шаболова, одна из самых симпатичных девочек школы, улыбалась, глядя в окно и, видимо, думая о чём угодно кроме числовых последовательностей, разностей и свойств.

– Записываем дэээ, – зачитывая регулярную амнистию, помноженную на индульгенцию, велела Анна Алексеевна. Народ закопошился, зашуршал дневниками, защёлкал ручками. Митя полез под парту за укатившимся карандашом. – Давайте, девятый класс. Последний рывок – и свобода!

Опять хихиканье. Аня вспомнила о письме брата, и губы сами собой растянулись в улыбку.

– Учить параграф по арифметической прогрессии. Чтобы к понедельнику свойства знали наизусть! Номера тридцать семь, тридцать девять, сорок, сорок пять и сорок семь. Маша Калинина, Ксюша Шилова, Оля Николаева – попробуйте решить шестьдесят седьмой номер под звёздочкой...

Шилова с готовностью кивнула, Николаева, впервые удостоенная чести (или наказания) попасть в список под звёздочкой, удивлённо вскинула красивые серо-коричневые глаза. Ей бы уверенности в себе немного, и отлично бы всё получалось... Калинина молча запихивала в сумку дневник.

Чтобы не отравлять выходные хлопотами с журналом, Анна Алексеевна принялась быстро заполнять темы.

– До свидания, Анна Алексеевна!

– До свидания!

– До свидания, Анна Алексеевна!

– До понедельника... До понедельника... – машинально кивала она, скользя ручкой по разграфлённой желтоватой бумаге. – До свидания...

Кабинет, залитый беспечным яблочным сентябрьским солнцем, быстро пустел. Хлопали по спинам портфели, скрипела дверь, топотали по половицам кеды, туфли и расхлябанные одинаковые ботинки, купленные, по всей видимости, в «Льве». Шум утекал в сторону лестницы, чуть погода первые крики свободы донеслись уже со двора.

Закончив с девятым классом, Аня потянулась, думая так же быстро разобраться с темами пятого б, и тут заметила, что в углу у дверей молча стоит Маша Калинина.

– Маш? Что-то хотела спросить? – маскируя зевком вопросом, обернулась к ней Анна Алексеевна.

– Галина Аркадьевна просила занести ей журнал после уроков, – тихо ответила Маруська.

– Я занесу. Иди домой.

Маша потопталась пару секунд. Угромо кивнула и взялась за ручку двери.

Аня, покачав головой, вернулась к плану. Пятый б занял минут десять.

Щурясь от оранжевого солнца, она вытащила пальто, но надевать не стала – перекинула через локоть, подхватила сумку и закрыла дверь. Оставив журнал на столе завуча в пустой, пахнущей терпкими духами, цветами и разогретым пловом учительской, спустилась во двор и зажмурилась, подставляя лицо тёплым широким лучам.

Густыми волнами накатывала сонливость; прекрасно понимая Митю Лебедева, Аня с ленивым неудовольствием вспомнила, что надо ещё зайти в магазин, в какую-то «Ромашку». Список Антонины выглядел внушительным. И как она всё это дотащит?..

Обогнув школу, Аня тут же попала в сырую прохладную тень. Солнце осталось с той стороны, с этой оказалась влажная, усеянная битым кирпичом тропинка, осколки стекла, мусор, бурьян и звёздочки сухих отцветших одуванчиков. Пробираясь по узкой тропинке, чавкая и увязая, Аня всё-таки напялила пальто. Сначала приходилось глядеть только под ноги, чтобы не поскользнуться и не распластаться в грязи. Потом, когда школа, глядевшая на задний двор

зарешёченными окнами кабинета информатики и окошками мастерских, осталась позади, Аня приноровилась, зашагала уверенней и подняла голову.

Впереди, метрах в тридцати от неё, брела знакомая фигурка с двумя косицами.

Аня, бормоча непечатное, кое-как догнала Машу.

– Анна Алексеевна? – почти без удивления в третий раз за день поздоровалась она. – Вы в «Ромашку»?

– Угадала.

– Да там нечего угадывать. Только «Ромашка» в ту сторону. И какое-то новое кафе.

«В такой глуши – и кафе?..»

– Я тоже туда. Надо мыло купить. Вчера Мишка сожрал всю пачку.

«Брат», – вспомнила Аня.

– Достает?.. – вспомнив мелкого Кирилла, солидарно спросила она.

– Временами, – вздохнула Маша. – Но ничего. Не всегда же так будет. Вырастет. Мама говорит, когда я была маленькой, то была ещё вреднее.

– Вырастет, вырастет, и оглянуться не успеешь, – кивнула Анна Алексеевна. – А до «Ромашки» есть какая-то ещё дорога? А то тут... опасно как-то.

– Да не опасно. Грязно просто. Можно вдоль шоссе на Крапивинск пойти, но это очень долго, минут сорок. А напрямик – пятнадцать минут от школы. Мальчики сегодня в большую перемену бегали в новое кафе.

– И как там?

– Одно название. Не кафе, а пара столиков, кофемашина и выпечка на кассе. Но, сказали, вкусно.

Остаток пути они шагали молча. Солнце спряталось, стало зябко и неудобно. Когда впереди показалась красная крыша «Ромашки», Аня негромко произнесла:

– Ты не переживай так из-за... не из-за кого. Это же как с братом: не всегда так будет.

Маша быстро оглянулась, сжала губы в ниточку. Пожала плечами. Аня быстро перевела тему:

– Интересно всё-таки, что за выпечка. Хочу посмотреть. Вдруг там моё любимое печенье есть.

Никакого любимого печенья у Ани не было никогда, она по жизни предпочитала более сытные пирожки и более сладкие конфеты. Подойдя к кассе, попросила у полненькой крашеной продавщицы три пончика со сгущёнкой. Один разломала пополам и, обернув салфеткой, протянула Маше. Та от неожиданности улыбнулась – так робко, так мило, что Ане захотелось погладить её по голове, как маленькую.

– Спасибо, Анна Алексеевна...

– На здоровье. Будут тебе ещё всякие настроение портить.

Имени Ксюши никто не произнёс, но Маша, прикончив пончик, выглядела уже гораздо бодрее. В магазине она купила мыло, альбом для рисования и сетку для стирки белья. Аня, выложив на прилавок свой бесконечный список, оглядывала завешанные халатами и джинсами стены, рассматривала витрины с колбасой, чаем и рюкзаками, вдыхала аромат свежеспечённого чёрного и белого хлеба и поглядывала в сторону пластмассового набора для ванной: зеркало в розовой раме, несколько полочек, мыльница и стакан для щёток. Может, купить? Как-то приспособить во флигеле около колодца, и то удобней будет...

– Анна Алексеевна? Вас подождать?.. Помочь отнести?

– Нет, нет, Маш, иди домой. До понедельника, – попрощалась Аня.

– Да... Спасибо вам, – тихо ответила Маша и, помахивая пакетом, вышла из «Ромашки».

А Аня, чувствуя себя недалёкой уездной богачкой, принялась набирать покупки: хозяйственные свечки и корица, семена аютиных глазок и перчатки, йод и крем, газеты и батарейки...

Глава 5. Неформальная встреча

Тащи́лась она со всем добром обратно добрых сорок минут. Когда Аня толкнула калитку, солнце уже шло на закат розовым румяным яблоком. Антонина, видимо, услышав скрип, выбралась на крыльцо и ждала, протянув вперёд руки. Ветер трепал её седые, выбившиеся из пучка некрашенные пряди и задира́л подол старого, ладно сидевшего зелёного платья. Последние лучи золотили старческую фигуру, и с одной стороны Антонина казалась сделанной из ломкой и звонкой фольги, а с другой – той, что в тени, – из тёмной глины.

Ане казалось, что руки у неё от пакетов вытянулись, как у обезьяны. Она не чаяла, когда поставит сумки, и потом не глядела ни на залитый розовым светом двор, ни на крышу, обли­тую, как лаком, вечерним солнцем, ни на статную Антонину. Только думала с каким-то не­ожиданно острым раздражением: могла бы и сойти навстречу с крыльца, не такая уж она дряхлая. Вон как по дому шустро шаркает...

Антонина, словно услышав её мысли, шагнула с крыльца на верхнюю ступеньку, но тут же охнула и вцепилась в перила. Аня, всю дорогу оберегавшая сумки от грязи, бросила их на землю и рванула к крыльцу.

– Антонина Ивановна! Что такое? Сердце? Антониниванна!

– Всё хорошо, милая, всё нормально, – побормотала старуха, цепляясь за неё сухими руками. – Помогите в дом зайти...

Аня, нервничая и судорожно вспоминая, на какой улице живёт фельдшер, довела Анто­нину до её кровати-алькова.

– Гораздо лучше, – уже без одышки поблагодарила Антонина, отдергивая занавесь. – Спасибо вам, Анечка... Простите.

– Лекарств каких-то? Чаю? – беспомощно спросила Аня.

– Ничего не надо. Сейчас передохну чуток, и встану. Видимо, перетрудилась, – смущённо-насмешливо вздохнула старуха. Аня наклонилась к ней, пощупать пульс на запястьях, и в нос шибануло сразу несколько запахов, которых, за тревогой за Антонину, она сразу и не заметила. Пахло хлоркой и белизной, как бывало дома после большой стирки. Пахло масляной краской – едко и душно. Пахло сдобным тестом и сладкими апельсинами – так, что кружилась голова.

– Не помню, сказала вам или нет – Маруся сегодня придёт, поможет бельё развесить во дворе. Я и сама могу, но таз тяжёлый, она всё ругается, если я сама, – виновато объясняла бабка. – А потом, думаю, раз постирала с хлоркой, так уж заодно и вон тот кусочек над ра­ковиной покрашу, и плесень вытравлю...

Квадрат над раковиной и правда светился свежайшей масляной заплаткой.

– А потом тесто поставила. Как раз к вашему приходу успела. Будете чай, Аня? Или вы голодная, что-то поплотней сделать? А пирог как раз к Машиному приходу настоится.

– Ох, Антонина Ивановна, – пробормотала Аня. – Напугали вы меня. Мне бы такой про­дуктивной быть и бодрой в вашем возрасте. Сейчас, сбегая сумки заберу, ладно?

...Пока она выкладывала на стол йод и крем, яблоки и булки, соль, лаврушку и зубо­чистки, Антонина тихонько вздыхала. А когда из сумки показалась завёрнутая в бумагу лилия, лицо у неё просветлело, как будто помолодела лет на десять.

– Спасибо, Анечка, спасибо вам, порадовали так порадовали! Словно Первомай... Пой­дёмте теперь кушать. Я тоже не обедала, вас ждала...

Пообедав из красивого, старинного, разномастного, но начищенного до блеска сервиза, Аня перемыла тарелки с обколотыми краешками, вытерла изящные чашечки без ручек и акку­ратно водрузила на полку узорчатое блюдо в россыпи мелких трещин.

– Очень вкусно, – отдала она должное нежному пюре и сочным, поджаристым котлетам. – Антонина Ивановна, я, пожалуй, за тетради сяду. Хочется закончить с проверкой, пока у самой из головы урок не вылетел.

– Конечно, – засуетилась Антонина, освобождая огромный стол, накрытый бархатной розовой скатертью с густой бахромой. Убрала вазу с засохшими ветками, сдвинула стопку старых пыльных книг и журнальных подшивок (Ане показалось, она заметила «Работницу» и «Науку и технику»), раздёрнула тюль – в воздух взвилась пыль, запахло старым паласом, давно не открываемым гардеробом, книжным шкафом, стареющим в кладовой...

Аня чихнула и стала вынимать из сумки тетради своих пятиклассников. Сколько ж их тут! Это сегодня ещё не все на уроке были...

С тоской обозрев цветную горку разлохмаченных, в испачканных обложках (а то и вовсе без них) тетрадей, она устроилась, как на насесте, на хлипком коричневом стуле с полукруглой спинкой.

– Сделать вам чаю? – предложила Антонина.

– С удовольствием. А если сделаете кофе – буду обязана до конца жизни.

Антонина нахмурилась.

– Вы такими словами не разбрасывайтесь, Анечка, – негромко велела она. – Шутка шуткой, конечно...

Аня незаметно закатила глаза. Эта старушка то пугала, то смешила, то вводила в ступор.

– А вы сегодня днём заходили? – вдруг прежним тоном спросила Антонина. – Я слышала сквозь сон, дверь хлопала...

– Да, забегала. Забыла... книжку записную, – зачем-то соврала Аня.

– Ну, занимайтесь, – вздохнула Антонина как-то неодобрительно и, сторбившись, пошла к дверям. – Занимайтесь. Маруся обещала прийти к семи.

«Весь день сегодня про Марусю, – без всяких эмоций подумала Аня и погрузилась в мир точек, лучей, отрезков и натуральных чисел. – Как наказание за то, что ненавидела все эти отрезки в своё время. История повторяется дважды... Второй раз – в виде фарса...».

С тетрадями она расправилась только к сумеркам. Выйдя из учительского транса, Аня обнаружила, что у неё тяжело и тупо болит голова. Отчаянно хотелось принять горячий душ, но, насколько она могла судить, в распоряжении её был лишь замшелый колодец, можно сказать, почти на улице.

Она содрогнулась, представив ледяные струи. Словно отзываясь на её мысли, снаружи пошёл дождь. С первых капель он застучал дробно, хамовито и агрессивно. Небо окончательно заволочло – видимо, уже до утра.

Аня покрутила головой, разминая шею, хрустнула пальцами и, пошатываясь, выбралась из-за стола. В кухне глухо бормотал телевизор; уютно и сытно пахло дошедшим апельсиновым пирогом. Антонина, кажется, иногда перекидывалась репликами с диктором, а может, говорила сама с собой.

Аня цапнула со спинки дивана своё полотенце, вышла в сени, нащупала в темноте галоши и толкнула чёрную дверцу. Та не поддавалась. Аня толкнула сильнее, но дерево только натужно хрупнуло; посыпалась труха. Аня в сердцах пнула по двери изо всей силы, так, что соскочила калоша. Створка жалобно всхлипнула, и что-то грузно грянуло по деревянным доскам. Наклонившись, Аня разглядела тяжёлый железный замок, всунутый в ушко.

– Аня? Аня? – крикнула из кухни Антонина. – Что такое?..

– Антонина Ивановна, а можно ключик от дверей к флигелю? Я умыться хотела. С утра даже не заметила замка...

– Милая, что ж вы пойдёте под дождём-то? Умойтесь в кухне спокойно. Вот у меня тут тазик, шторка, вехотка, если надо. А я пойду пока в комнату, проветрю. Как вы? Закончили со школьными делами?

– Почти, – озадаченно ответила Аня. – А...

Хотела спросить «А почему вы дверь на замок закрыли?», но в это время в другую – входную – дверь постучали.

– Маруська! – всплеснула руками Антонина и бросилась открывать. – Здравствуй, Машенька...

Маша, стряхивая с волос капли дождя и складывая громадный чёрный зонт, задом втиснулась в сени и, шаркнув о высокий порог, сбросила низкие резиновые сапоги.

– Добрый вечер, Антонина Ивановна.

Без большого воодушевления и как-то устало поздоровалась, обернулась и встала, как вкопанная.

– Анна Алексеевна?

– Привет, Маш, – несколько неловко улыбаясь, поздоровалась Аня.

– Вы... как тут?

– Я тут живу, – усмехнулась она. – Антонина Ивановна любезно приютила, пока у меня со своим жилищем проблемы. Не всё так гладко у учителей.

Маша стояла, выпучив глаза и рассматривая Аню в спортивных штанах и вязаной кофте с джинсовыми заплатками и гоночной машиной из пайеток на животе. Аня отхватила эту шкурку где-то на распродаже: цена и материал отличные, ну а что до декора... что поделаешь.

Аня, в свою очередь, не без интереса смотрела на не по-школьному одетую Машу: в джинсах, каком-то растянутом, в торчащих нитках свитере и красных, в жёлтый горох носках. На голове у ней по-прежнему были две косички, но к вечеру они растрепались, и сейчас Маша походила на репейник или воробушка.

– Проходи, Маруська, – позвала Антонина. – Девочки, попьём чаю сначала? Все вместе?

...Это было очень странное чаепитие, напомнившее Ане перекус у Безумного Шляпника. Пирог был хорош: воздушный, пышный, тающий во рту, с лёгкой горчинкой цедры. Чай – кисловатый, травяной, с нотками чабреца и календулы, похожий на тот, что бабушка раньше заваривала на огороде. Посуда – аккуратные фарфоровые блюдечки, крохотные чашечки и серебряные вилочки-трезубцы. Сколько же у Антонины разных сервизов?.. Кроме того, на столе лежали аккуратные, накрахмаленные салфетки, розетки с разным вареньем и широкая, толстенная хрустальная конфетница. Блики лампы играли на острых прозрачных краях.

Маруська и Антонина Ивановна вели какие-то великосветские разговоры; периодически Антонина давала Маше комментарии насчёт пользования той или иной вилкой. Аня, начав поедать пирог руками, почувствовала себя весьма неловко, но Маша принимала всё как должное и кивала, прислушиваясь к советам. Правда, в сочетании с её растянутым старым свитером выглядел этот странный урок этикета весьма сюрреалистично.

Когда пирог был съеден до последней крошки, Антонина рассказала о Бостонском чаепитии, затем – забавную историю о чаепитии в Версале, а затем встала из-за стола и объявила:

– Спасибо, девочки, что составили компанию. Давно в таком хорошем кругу не пила чая.

– Давайте бельё повешу, – тут же вскочила Маша, кивая на эмалированный таз в углу, от которого шёл запах свежести и немного несло хлоркой и хозяйственным мылом.

– А я тогда посуду вымою, – чтоб не остаться барышней-белоручкой, предложила Аня.

– Спасибо, девочки, – глухо повторила Антонина. Неожиданно и громко всхлипнула.

Быстро скрылась за шторками своей кровати-алькова.

– Антони...

– Не надо, – прошептала Маша, хватая Анину руку. – У неё бывает... Не трогайте её пока. Она сейчас фотографии пересмотрит и успокоится.

– Какие фотографии? – обескураженно прошептала Аня.

– Вани и Ивана.

– Мужа?..

– Это у неё муж и сын. Муж ещё в войну погиб, а сын вроде бы на машине перевернулся, но я точно не знаю...

– А что делать-то?

– Просто подождать, Анна Алексеевна.

В полумраке просторной комнаты, уставленной старинными вещами, тазиками, канделябрами и барахлом, школьно-казённое «Анна Алексеевна» прозвучало так чужеродно, что Аня поёжилась.

– С ней бывает, – повторила Марусяка и тихонько вздохнула, рассеянно глядя на задёрнутые занавески; видимо, задумалась о чём-то своём. Потом резко встряхнулась и кинулась к тазику в углу.

– Я пойду повешу в саду. Дождь вроде кончился.

«В саду», – мысленно повторила Аня. Какой же там сад... Три скрюченные яблони. И почему Антонина повесила замок на дверь к флигелю? И снова не флигель – одно название... Стены как решето, потолка наполовину нет. Лучше бы, чем этот коридор, полку у колодца какую соорудили. Блин, забыла влажные салфетки на полке в кабинете! Вечером опять с грязными руками засыпать... Хотя можно в кухне вымыть, там приличная раковина, почти как в городе. Как там в городе-то? Как дела у мамы?..

Подкатило к горлу, и Аня чуть не расплакалась. Еле дождалась, пока Маша, громыхая тазом, выйдет вон, бросилась на свой диван, обняла подушку и уткнулась в жёсткую плотную материю. От неё пахло перьями, пухом и чем-то влажным, а ещё сладким, как будто луковой шелухой. «Хороши, на пару с бабкой воем», – сквозь слёзы подумала Аня и зашарила по карманам в поисках телефона. Набрала маму, пока шли гудки, проглотила рыдания.

– Алло? Анечка? Здравствуй, Анютка! Хорошо, что позвонила! Как ты там? Готовишь что-нибудь, успеваешь? Как в школе? Как голова твоя? Не болит?.. Только что Кирилл звонил. Довольный, как слон. Сказал, всё хорошо, завтра первый зачёт уже...

Аня вытирала глаза краешком подушки, улыбалась, успокаивалась. Если у Кирилла всё хорошо – значит, всё не зря... Значит, всё правильно...

– Ты-то как, Анюта? – ласково повторила мама, как будто вдруг оказавшись совсем рядом. – Как ученики? С домом устроилось? Совсем редко звонишь, а я боюсь – вдруг не вовремя со своими звонками...

– Да всё хорошо, мам. Устроилось с домом. Почти. Скоро мастер приедет из города, всё наладит. Там хорошо, мам. Просторно так, и яблони прямо в окна стучатся... В школе хорошо. Мне нравится. Ты Кирику передавай привет обязательно...

– Анечка... Ты...

– Что? Мам, говоришь что-то? Плохо слышу!

– ...нечка... долго одна не гу...

– Мама! Связь плохая!

– ...орожна... всякие ходят... даже в дере...

– Ничего не слышу, мам. Я найду завтра, где получше ловит. Я люблю тебя! Пока-пока...

Отключила вызов, опустила трубку.

Шипела и мигала одна из трёх ламп в пятерной люстре-колокольчике. Что-то напевала во дворе Марусяка – было слышно через приоткрытую дверь. Ветер нёс из сеней и стелил по полу вечерний сквозняк.

Антонина закопошилась за шторкой, выглянула: сначала одну ногу спустила, потом вторую (Аня впервые обратила внимание, какие у неё тапочки: не тапочки даже, а домашние туфли, мягкие, но на каблучке, ни капли не старушечьи). Отдёрнула занавеску и посидела

немного тихонько, сложив руки на коленях, как примерная первоклашка. Глаза у неё были ничуть не красные, только лицо – рассеянное, как будто смотрела она не на Аню, не на комнату, а куда-то вообще в другое пространство. И словно морщинок меньше сделалось.

Но вот загремела тазом Маруся, забормотало где-то вдалеке радио, протарахтел пазик, шедший последним субботним рейсом в Крапивинск. Антонина очнулась и бодро слезла на пол. Постукивая каблучками, подошла к Ане, села рядышком, приобняла за плечи.

– Взгрустнулось? Бывает, Анечка, бывает... Это хорошо, когда те, по ком грустишь, недалеко. Когда можно раз – и позвонить, и приехать. Не плачьте, Анечка, не надо. Незачем по ним плакать, по живым...

Бабка больше ничего не сказала, но конец фразы Аня услышала – как будто его в воздухе подвесили, плотный, едкий, как папиросный дым.

– Давайте я пойду Маше помогу, – сдавленно предложила она. – И посуду ещё не вымыла... Простите...

– Да что ты тут, служанка, что ли, чтоб мыть да помогать постоянно? – проворчала Антонина. – Шла бы просто погуляла. А то – дом-школа, дом-школа, как в тюрьму себя посадила.

– Всё в порядке, – отмахнулась Аня, вставая. – Спасибо вам... за понимание.

И быстро вышла в сени. Пока напяливала ботинки, из кармана выпали три сухих хрупких бусины. Что ещё такое? Откуда? Аня нашарила их в темноте на пыльном полу, поднесла к глазам. На улице уже включили фонари, и в косом бело-жёлтом луче она разглядела неровные шершавые красные шарики, похожие на сухую черешню. Что за ерунда ещё? Но выкинуть, отпустить их с ладони в мокрую траву не захотела. Такие маленькие, сморщенные, беззащитные и как будто изнутри светятся. Откуда могли взяться? Разве что Кир прошлым летом эту кофту напяливал, когда было прохладно... Может быть, запихал в карман ягоды и забыл. А они так красиво высохли.

Аня сама знала, что это не так. Перед отъездом она все вещи тщательно перетряхнула и перестирала, да и брат не такой ротозей, чтобы распахивать ягоды по карманам – у него на это рот есть. Но других версий не было.

Аня, пожимая плечами, чему-то глупо улыбаясь, вышла во двор.

Светила белая, как кусок ваты, луна. Маша, как актриса в театре теней, прыгала среди белых простынь. Три кривых яблони в лунном свете расправились, распушили крепкие листья и стояли, как мрачные невесты: каждый листик был окаймлён белым лунным бликом. Позади, в том месте, где за двором не было домов и видно было далеким-далеко до самого пустыря, вставали густые тучи.

Оттуда, из этой дыры в пушкинскую, гоголевскую ночную осень, задувал немилосердный предзимний ветер. Тучи слоились, распадаясь, пушась, ёжась, как будто сад уходил вглубь, и это не тучи, а пышный и колышущийся яблонев цвет обрисовывал вздымавшиеся штакетины забора и дальние фонарные столбы.

Аня обхватила себя руками, яростно потёрла плечи, поморгала. Когда открыла глаза – чуть не вскрикнула, отшатнувшись от возникшей рядом Марусяки.

– Я закончила, – возвестила она, потряхивая косами; резинка с одной почти сползла. – Холодно.

Она прижала пустой таз к животу, подышала на покрасневшие пальцы.

– Пойдёмте в дом?

– Пошли... Машка, а ты часто сюда приходишь?

– Каждые выходные почти. Иногда на неделе. Баба Антонина совсем одна. Грустно ей. Знаете, иногда так не хочется, и уроков полно, а всё равно иду... Иногда думаю: как так получается? Человек жил, растил детей... Его дети заводили детей. Дети его детей заводили детей. А потом все его покинули, и он один... И вроде бы её родственники приезжают. Часто даже... – Марусяка вздохнула, переминаясь, взялась за ручку двери. – Но... она тут всё равно одна.

Каждый вечер. День за днём. И даже по телефону с ними толком не поговорит, потому что неинтересно им с ней. У неё внучка есть, Ксюша. – Ане показалось, Маруська произнесла это имя с оттенком отвращения. – Она приезжает. Всё тут перемоеет, поправит, кучу продуктов оставит. Чай с ней попьёт, наготовит. Но это так грустно: видеть, как баба Антонина старается быть ей интересной. Так беспомощно, так обидно... И Ксюша вроде старается... А всё равно они как инопланетяне. Никак шлюзы не состыкуют.

Видимо, постеснявшись грубоватого сравнения, Маша шмыгнула в дом. Не дожидаясь ответа, скинула сапоги, миновала сени. Уже приоткрыв дверь в комнату (в тёмные сени хлынул тёплый золотистый свет), шепнула:

– Вот и разговаривает она... с фотографиями.

И вошла внутрь.

Аня осталась в темноте, сцепив замёрзшие руки, думая о том, что Антонина Ивановна, кажется, ни разу не показалась ей грустной заброшенной бабушкой. Надо же. То ли Маша чересчур чувствительная, то ли она, Аня, совсем чёрствая стала. Но нет же, нет... Антонина боевая бабка... Что за нюни... Хотя вчера, когда Аня только пришла, она была совсем не такая... Шелестела, как старые листья...

– Анна Алексеевна! – позвали её на два голоса из комнаты. – Анна Алексеевна, чай готов!

– Иду. Иду! – крикнула она и принялась снимать ботинки. Перед тем, как войти в комнату, зачем-то нащупала в кармане сухие бусины черешни.

– Теперь точно до понедельника, – весело улыбнулась Маруська, когда они закончили перемывать тёплой водой толстостенный тяжёлый хрусталь в слоноподобном серванте. В воду Антонина Ивановна добавила нашатырного спирта, соли и капельку синьки – чтобы хрусталь красиво блестел. Вымытый сервант и вправду сиял: светились зеленоватые стёкла, темнело влажное, отгёртое от мушиных пятен дерево, а чашки, графины и менажницы собирали на своих острых льдистых уголках золотые и голубые звёздочки от света люстры.

Аня, потирая саднящие пальцы, усталая, но довольная, отправилась отмывать руки от щадящего для хрусталя, но едкого для кожи раствора. На душе было легко, как будто налипшую пыль она отдирает не от посуды, а от своих мыслей. Растаяла, растворилась в кастрюле с тёплой водой последняя мутная обида на Кирика: в конце концов, могла бы сейчас тусить в общежитии МПГУ на проспекте Вернадского (она всё об этом институте ещё год назад развела!), может, пошла бы там в какой клуб, звездилась бы...

Аня усмехнулась. Ну как бы она звездилась, мышь пугливая? Одёрнула себя за глупые мысли. Такое даже Марусе в голову наверняка не приходит; уж ей-то, учительнице, давно должно быть стыдно. Или нет? Учитель не человек, что ли?

Человек, человек, успокоила она себя. Просто есть мысли, которые думать глупо, и неважно, учитель ты или не учитель.

Одно омрачало приятное пятничное настроение: разбитая чашка. Ну её, ерунда какая, и Антонина сказала, что эту чашку ей какой-то прилипчивый ухажёр в юности подарил, и не жалко ни капли... Но всё равно. Зелёные стеклянные чешуйки воровато-лукаво блестели в ворсе ковра, порезанный палец кровил, а по самому крупному черепку уже бежал деловитый, неутомимый паук. Аня пыталась вспомнить, как так получилось, но не могла сообразить даже, в какой момент выпустила чашку из рук. Смахнула со стола? Или когда посуду мыла?.. Совсем запуталась от усталости.

Аня снова лихорадочно посмеялась над собой, вышла во двор, помахала скрывшейся за забором Маруське и вернулась в дом. Часы показывали начало одиннадцатого.

– Антонина Ивановна, может, надо было Машу проводить?

– Она недалеко тут, не переживайте, Анечка. Как мне повезло, что вы рядом... Вроде и засыпать не так тяжело в компании. Вы как, ещё посидите?

Аня оглянулась. Антонина стояла на крыльце, одной рукой крепко держась за перила, как будто боялась случайно перевалиться в сад. Другой она стискивала на плечах вчерашнюю кружевную шаль.

Аня поёжилась: к ночи стало зябко, вывездило. Наверняка завтра погода испортится; золотистые утренние облака, полуденное рыжее солнце и румяные закаты и без того подзадержались.

– Анечка?.. – окликнула Антонина. Аня встряхнулась, медленно поднялась на крыльцо.

– Да. Посижу ещё немного. Почитаю...

– Если вдруг захотите – в кладовой есть библиотечка. Классика всё больше, современного, конечно, нет... Но ведь и в классике есть прекрасное, – предложила Антонина.

– Ага, – откликнулась Аня. – С удовольствием... Как-нибудь. А сегодня... у меня есть, что почитать. Я с собой взяла электронную книжку.

«И хорошо, что скачала на неё заранее», – похвалила себя Аня. В Яблонево с интернетом было неважно, а уж если бы роутер обнаружился в древнем доме Антонины Ивановны – она бы и вовсе обалдела.

– Если что – в кладовку из сеней можно зайти. Вон тут, – кивнула Антонина, приоткрывая дверь. – А я уже спать, Анечка. Старики ложатся рано...

– Доброй ночи, Антонина Ивановна.

– Доброй, доброй.

По земле стелился редкий зеленоватый туман; небо наливалось густой, плотной чернью. Аня постояла на крыльце ещё немного – пока окончательно не замёрзла, – полюбовалась на такие крупные, такие яркие здесь звёзды, запутавшиеся в ветках, и тоже пошла домой.

Глава 6. Месяц в школе

Чтобы отпраздновать первый месяц в школе, Анна Алексеевна решила сходить в «Ромашку» и купить в пекарне и купить повидло, кофеи полкило любившихся пончиков. Антонинин кофе был великолепен – у Ани в кои-то веки решилась проблема раннего подъёма: ради такого она была готова и в шесть вскакивать (и так и делала, и успевала с утра до школы переделать уйму дел!). Но она жутко соскучилась по обыкновенному, плебейскому растворимому Якобсу и планировала, пока Антонина спит, побаловать себя этим тайным удовольствием, преисполненным ностальгии.

За весь месяц она почти ни разу не оставалась дома в одиночестве: баба Антонина, как называла её Маша, никуда не выходила – даже во двор. Флигелёк к колодцу, как перекрыла в первый день, так больше и не открывала, а посему не отлучалась даже туда. Временами Ане мучительно хотелось побыть одной, но в школе она была окружена детьми, после уроков – учителями. На улице то и дело подходили любопытно-благодарные яблоневцы, каждый второй из которых приходился родителем или родственником одному из её учеников. Для себя Аня даже выделила несколько родительских категорий. Самыми сложными были две. Первая – болтливые кумушки-тётушки девятиклассников, пытавшиеся выведать, как Анин муж (какой муж?.. кто сказал, что у неё есть муж?.. откуда вообще такие слухи?..) откосил от армии. Вторая – тревожные мамы пятиклашек, которые, как одна, спрашивали, не нужно ли её Ваню, Таню, Тёму возить в город на дополнительные занятия по логике и ментальной арифметике. Аня, как могла, объясняла, что мужа у неё пока нет, а развивать логику десятилеток вполне могут и сами мамы. Её слушали внимательно, доброжелательно, покачивая головами; её слова, возможно, и откладывались где-то в умах и откликались в сердцах, но в целом стекали с кумушек и мамочек, как с гусей вода. Аня сначала боролась, потом злилась, потом раздражалась, а потом плюнула и стала по возможности обходить две этих категории по широкой дуге.

Единственным местом, где она бывала кроме магазина и школы, стал палисадник технички Клавдии Антоновны. Клавдия поила её чаем с яблоками и мёдом, щедро потчевала

историей Яблоневого, а под настроение угощала даже секретами и тайнами старого посёлка. Одна из тайн, как водится, касалась Аниного дома.

– Кто ж вам предложил там поселиться-то, Анна Алексеевна?

– Да кто-кто... – помимо воли поддельваясь под просторечный душевный слог Клавдии Антоновны, отвечала Аня. – Кто там завраспределением-то. Тот и предложил. Я ещё обрадовалась. Подумала, не придётся тратиться на жильё, больше брату останется... А тут такая оказия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.